

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

ДРЯНЬ
ТАКАЯ!

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Дрянь такая! : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-210265-3

Можно ли увлечься дворником, если муж сбежал с любовницей?.. Собирая в командировку любимого супруга Сергея, Аня нашла в карманах его пиджака очень интересные предметы: упаковку презервативов и фантик с отпечатком губ. А в запертом ящике стола обнаружилась записка: «Я беременна»... Сердце разрывалось, но Аня сдержалась, попрощалась с муженьком как ни в чем не бывало. А сама села в машину и решила проследить за ним. И не ошиблась в своих подозрениях: вместо того чтобы улететь в командировку, Сергей заехал за девицей с ребенком и исчез с ними в неизвестном направлении... На следующий день Аня решила побольше узнать о разлучнице и приехала к ее дому. Там женщину уже поджидали какие-то темные личности... Спас ее странный дворник Александр — Аня понравилась ему с первого взгляда. Он даже решил помочь ей найти Сергея. И заодно выяснить, что за типы так настойчиво добивались ее любви...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210265-3

© Мельникова И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Дождь, дождь, дождь! Два дня подряд дождь! И — кажется, никогда не проглянет солнце, не высохнут лужи, газон примется чавкать под ногами, как губка, а твой единственный ребенок будет часами сидеть за компьютером или скулить, выводя тебя из терпения:

— Мамочка! Ну мамочка! На пять минут! Погуляю с Редбоем, а? Только до ворот и обратно!

Но мамочка знает, во что превращаются эти прогулки с Редбоем! Именно мамочке придется вывозить эту грязь, что принесут с собой ее ненаглядная дочь и ее ненаглядная собака. Редбоя надо будет купать, дочь заставлять принять ванну, в первую очередь для профилактики простуды, потому что оба явятся с прогулки по уши грязные и мокрые. Но у Татьяны тут же найдется масса убедительных отговорок, у меня же доводов несравнимо меньше... Ну не хватает у меня настойчивости и решительности поставить Таньку на место. А может, терпения? И я отступаю с угрозой:

— Учти, свалишься с температурой, в аптеку не побегу!

Но для Таньки это пустой звук, она знает, что мать у нее отходчива. Слишком отходчива, и, возможно,

поэтому меня используют все кому не лень. Сама я этого как-то не замечаю, но моя лучшая подруга беспрестанно твердит мне, что я бесхребетная, что все сели мне на шею и ножки свесили. Иногда я задумываюсь над ее словами и даже нахожу в них определенный резон, но совесть не позволяет мне отказать человеку, если он находится на грани отчаяния, если ему тоскливо или просто некому пожаловаться на некоторые печальные обстоятельства. Людмила называет меня вселенским жилетом и палочкой-выручалочкой, хотя сама не прочь поплакаться в эту самую жилетку и попросить помощи у безотказной «палочки-выручалочки».

Дочь и собака устраивают небольшую кучу-малу в прихожей. Редбой рвется на улицу, а Татьяна никак не может застегнуть поводок на ошейнике. Без поводка его никак нельзя выпускать, все клумбы перетопчет, почему-то они особенно для него привлекательны. Он роет в них норы, заталкивает туда лохматую морду и шумно фыркает... Что тут поделаешь! Такова порода! Рыть, откапывать, загонять!

Грохот в прихожей, сопровождаемый пронзительным визгом, не понять, кто визжит громче, дочь или ее собака, отвлекает меня от размышлений. И я бросаюсь на шум.

Так и есть! Своротили на пол подставку, а вместе с ней цветочный горшок с фикусом. Горшок большой, в него входят два ведра земли, поэтому звона не было, только грохот.

Танька сидит возле обломков на корточках и рыдает, а Редбой уже елозит носом по паркету, разгребает кучу земли лапами, словом, весь в работе...

Я останавливаюсь в растерянности, не зная, с чего начать: то ли успокаивать дочь, то ли лупить собаку,

то ли отнести к этому безобразию философски и отправиться на кухню за совком и веником.

— Когда-нибудь я его убью! — говорю я и хватаю юркого мерзавца за ошейник. — Кому я говорила, что фокстерьер в доме — сплошное наказание?

Впрочем, Татьяна это слышит не впервой, но на всякий случай плакать начинает громче. Лицо у нее все в грязных разводах, и я приказываю, стараясь, чтобы голос звучал как можно строже:

— Живо в ванную, а потом чтобы навела порядок в прихожей! А я погуляю с Редбоем.

Проказливая, с весело торчащим хвостом скотина поднимает голову, комья земли застряли в жесткой шерсти, маленькие глазки возбужденно блестят, как же, добился своего. Я обзываю его «паразитом», но это не производит на него никакого впечатления. Редбой, как и все в этом доме, знает, что мои угрозы ровно ничего не значат. Поэтому он презрительно фыркает и отворачивается.

Татьяна, наоборот, не отворачивается, а жалобно смотрит на меня. Разводов на лице прибавилось, губы плаксиво кривятся. В этом весь трюк, и все же я не могу смотреть, когда моя дочь плачет.

— Мамулечка! Я все уберу. Вот только вернемся с прогулки и все-все уберем, до последней крошечки!

Татьяна молитвенно складывает грязные ладошки, а Редбой усаживается рядом и, высунув язык, крайне преданно смотрит на меня. На лохматой морде ни капли раскаяния. Что ж, этот спектакль мы видели не раз, в нем известны все исполнители. Я даже не предполагаю, а знаю, что, воплоти я свои угрозы в жизнь, спокойствия в этом доме не прибавится. Редбой все равно найдет способ, как мне отомстить. В прошлый раз это были мои любимые кроссовки, в которых я бегаю по утрам. Мерзавец полностью раз-

грыз у них задники, недавно пострадала моя шляпа, которую он гонял по комнатам в наше отсутствие, а еще раньше изорвал в клочья новый справочник по цветоводству, который я с таким трудом отыскала в одном из магазинов на окраине города. И все это как следствие моих попыток хоть как-то приучить эту бес-тию к порядку.

Нет, это было самой большой ошибкой в жизни — позволить Сергею подарить Таньке на день рождения щеночка. Но разве я предполагала, что трогательный белый, с черными пятнами и рыжей мордочкой комочек с Сережину ладонь, не больше, превратится в на-глое и проказливое создание. Сейчас ему восемь меся-цев, и вот уже два из них подряд муж обещает отдать его в особую школу для собак, где ему, в чем я сильно сомневаюсь, должны привить хорошие манеры. Пер-спектива, конечно, радужная. Сережа и Таня свято верят, что через месяц наш Редбой превратится в об-разцово-показательную собаку, начнет участвовать в собачьих выставках и украсит свою грудь медалями. Но пока медалью надо награждать меня за бесконеч-ное терпение и ангельскую выдержку...

Дочь и собака не сводят с меня глаз. Они не могут знать, какие мысли бродят в моей голове, поэтому на всякий случай оба принимают скорбный вид. Бедные, как их обижают в этом доме, не пытаются понять и войти в их непростое положение. К тому же в глазах у пса появляется то самое выражение, следствием кото-рого всегда является лужа на полу, если не хуже... Но обычно он отводит на раздумья о судьбе пола минут пять, не меньше.

И я быстро прикидываю в уме. Если оба безобраз-ника сейчас же уберутся на улицу, то мне хватит вре-мени привести в порядок прихожую, пересадить фикус, приготовить жаркое на ужин и навестить Римму. Она

просила забежать, что-то у нее не клеится с романом, и она по этому поводу переживает. Вчера звонил издатель, интересовался, когда она с ним покончит, но у мадам писательницы, как всегда, не у шубы рукав...

Я смотрю на часы. На все про все у меня два часа времени. Дай бог, чтобы у Людмилы случился какой-нибудь аврал на работе и она задержалась. Только это вряд ли произойдет. Авралы обычно случаются у меня, и с завидным постоянством, двадцать пять раз в сутки. И все их надо вовремя разрулить: погасить пожар в зародыше, перевести стрелки в другом направлении, вытравить споры грядущих проблем... Помирить, успокоить, предотвратить, не позволить, найти выход... И при этом, не теряя контроля над ситуацией, остаться милой, заботливой, любящей женой и матерью, дочерью и подругой...

— Ладно, валяйте! — соглашаюсь я с подобающим выражением на лице. Надеюсь, Татьяна поймет, на какие жертвы я иду ради нее. Но она, похоже, не понимает.

— Мамуля! — кричит она и в припадке восторга целует Редбоя в лохматую морду. — Ты лучшая на свете мама!

Татьяна вскакивает на ноги и хватается Редбоя за ошейник. Пес упирается и пытается вернуться к вожделенной кучке земли. Кажется, он и впрямь настроен превратить ее в туалет. И даже огрызается, паршивец, когда я прихожу дочери на помощь. Но поводок пристегнут, и парочка негодников стрелой вылетает в двери. Я успеваю подхватить телефон, его чуть не постигла участь фикуса, и неподдельно радуюсь этой маленькой удаче. На прошлой неделе Редбой расколотил третий по счету аппарат, и мне просто повезло, что на этот раз на его месте оказался мой любимый фикус.

Я смотрю в окно. Редбой таскает мою дочь по га-

зонам. Поводок натянут. И впрямь пограничник Карацупа в дозоре вместе с верным Ингусом, как метко заметил мой брат Дима, месяц назад побывавший у нас в гостях.

Некоторое время я наблюдаю за ними: оттягиваю счастливый момент уборки. Затем ставлю телефон на место и нагибаюсь за фикусом. У моей мамы до сих пор растет в деревянной кадке его собрат, который помнит меня еще маленькой девочкой. Рядом с ним меня ставили в угол, его же я подкармливала отвратительным рыбьим жиром, которым мама исправно пичкала меня в детстве. Я наловчилась сливать его в кадку. Фикус от этого, видно, рос как на дрожжах и вскоре заполнил собой чуть ли не всю комнату, тогда его подкоротили и отвезли в деревню к бабушке. Но там он стал быстро чахнуть, и фикус вернули на родину.

К тому времени мои родители получили четырехкомнатную квартиру, и поначалу он восполнял недостаток мебели. А потом и вовсе стал полноправным членом нашей поредевшей семьи: сначала ушел отец. Бросил мать ради молодой вдовушки. Затем нас покинула старшая сестра, выскочила замуж за геолога и укатила в Иркутск. Вскоре после ее отъезда мой брат ушел в армию, отслужил два года на границе в Амурской области, поступил в пограничное училище и доблестно защищает рубежи нашей Родины то в Карелии, то в Забайкалье, а теперь и вовсе в Таджикистане. Маме он пишет бодрые письма, радостно повествует о прелестях этого горного края, свежем воздухе, прекрасном климате и своем великолепном здоровье...

Мама — человек доверчивый и убеждена, что Димка служит в какой-то особой части, где царит полное взаимопонимание и дружба с местным населением. А все эти жуткие рейды по горам, перестрелки с нарушителями границы и захваты караванов с нарко-

тиками — все это удел других пограничников, лично ей незнакомых.

Самым трудным оказалось скрыть от нее ранение Димы. Он три месяца провалялся в госпитале в Душанбе. Первый месяц не мог даже ручку в руке держать, и мне приходилось вдохновенно врать, что его, как особо отличившегося офицера, отправили обмениваться опытом в какую-то жутко далекую африканскую страну, где почту перевозят на слонах, поэтому письма доходят не раньше чем через два месяца.

Мама верила в эту ахинею и с гордостью рассказывала подружкам, как ее Димочка лихо передает свой опыт африканским пограничникам... А я все три месяца жила как на иголках, опасаясь, что мое вранье вот-вот раскроется, если кто-то из сослуживцев Дмитрия по доброте душевной сообщит маме о состоянии ее сыночка. По этой причине я перехватила письмо начальника погранотряда, в котором он послал на имя родителей вырезку из армейской газеты, где подробно описывался подвиг брата. Дима с небольшой группой пограничников несколько часов удерживали горный перевал, перекрыв единственный путь отступления крупной и вооруженной до зубов группе контрабандистов...

Я тупо уставилась на стебель с десятком листочков. Два из них были нежно-зеленого цвета, трубочки, в которые они были свернуты, только-только распустились. Растение надо было немедленно спасти. Год назад я подобрала его на свалке, которую устроили на пустыре в двухстах метрах от нашего поселка. На нем оставались два листочка с изрядно пожелтевшими краями, а в остальном фикус смахивал на сухую хворостину. Не знаю, как бы мне удалось возродить его к жизни, если бы я вдруг не вспомнила о живительной силе рыбьего жира.

Фигус долго чах, не желал пускать новую листву, Танька жаловалась, что от него отвратительно воняет, но где вы встречали рыбий жир с нежным запахом? Сережа деликатно помалкивал, но в один прекрасный день спросил, нельзя ли его переставить на балкон. Однако сквозняк вреден всем живым организмам, и я уже подумывала, не сvezти ли фикус к маме. А весной он внезапно пошел в рост, выпустил один лист, затем второй, а за три месяца выгнал аж десять листьев и стал более-менее походить на декоративное растение. Почву я заменила, рыбий жир сделал свое дело, а его остатки я скормила Редбою. В отличие от моих домашних щенку он пришелся по вкусу, но дня два от него несло протухшей треской сильнее, чем от фикуса, и Танька категорически отказывалась с ним гулять: негодник по любому случаю лез к ней целоваться.

Всем этим размышлениям я предавалась, не давая рукам скучать. Спустилась в подвал, там у меня на всякий случай хранились несколько цветочных горшков разных размеров. С такой собакой, как наша, этот запас вполне оправдан. Фигус занял свое место на подставке. В новом керамическом горшке он смотрелся совсем неплохо, но стоило, наверное, подумать о переселении его в деревянную кадучечку. При падении с высоты она не разлетается на миллион черепков.

Уборка прихожей заняла гораздо больше времени, чем я предполагала. К тому же я все время с опаской поглядывала в окно, чтобы не пропустить мгновения, когда дочь и Редбой соизволят закончить прогулку. Но она, похоже, затянулась надолго. Погода вняла многочисленным просьбам трудящихся и прочего населения, дождь прекратился, в разрывах облаков проглянуло ослепительно голубое, словно весенние цветы, небо. От газона парило, петунии на клумбах поднима-

ли к солнцу поникшие под дождем головки, расправляли лепестки. Татьяна и Редбой развалились на лавочке возле декоративной горки, сплошь заросшей цветами. Пес курился, как Ключевская сопка.

Я представила, какие ароматы сейчас витают в воздухе. Я имею в виду совсем не тот запах, который издает мокрая псына. Им сейчас наслаждалась Татьяна. Меня прельщает другое, ради чего я и живу в загородном доме, хотя забот здесь во много раз больше, чем в городской квартире. Но там и запахи другие: пыли, бензина, расплавленного от жары асфальта... Я с тоской посмотрела на ведро с грязной водой и тряпку в своих руках. Чем я занимаюсь, на что трачу время, вместо того чтобы выйти на балкон и вдохнуть этот одуряюще свежий воздух, настоящий на запахах мокрой травы, парном — земли, медовых ароматах алиссума, петунии и чуть горьковатом — шафранов?

Конечно, я могу позвонить и пригласить Тамару. Домработница бывает у меня через день, сегодня она у Риммы. Но та ждет каких-то важных гостей, которых к ней привезет издатель, поэтому забот у Тамары выше головы. Того гляди обратятся ко мне за помощью, потому что в последний момент выяснится, что именно моих рук не хватает, чтобы навести последний глянец. Но пока таких сигналов не поступало, и я с чистой совестью отправилась сначала в душ, а потом на кухню.

И тут зазвонил телефон. Конечно же, это Сережа. Я всегда точно знаю, что звонит именно он, а не кто-то другой. Не ошиблась и на этот раз.

— Ньюша, — раздался его голос в трубке, и я, как это бывает всякий раз, когда слышу голос мужа, засмеялась. Причем я совсем не обижаюсь на «Нюшу», хотя у соседки через дом от нас так зовут кошку. — Отчего веселимся? — деловито спросил муж.

Ну как ему объяснить отчего? Скорее оттого... Оттого, что я люблю его и мы славно провели ночь в своей постели и сегодня, и вчера, и позавчера... Оттого, что он так здорово целуется... Оттого, что он самый замечательный мужчина на свете... Оттого, что выглянуло солнце... Оттого наконец, что он позвонил, когда я этого не ожидала.

— Нюша, — сказал строго Сережа. Он знает, только так меня можно заставить говорить о серьезном, — не сердись, но я сегодня не приеду на обед. Меня срочно вызывают на севера. Нужно будет до самолета подработать кое-какие документы. Приготовь мне дорожный комплект и два костюма: светлый и серый в полоску, остальное — как обычно. В семь вечера я заеду за вещами.

— Надолго уезжаешь? — Настроение у меня упало. И Сережа понял это по моему голосу.

— На недельку, не больше. Успокойся, — голос его звучал ласково. Я представила, как он улыбается... Господи, дорого бы я дала, чтобы он сейчас оказался на кухне. Уж я бы своего не упустила.

— Я боюсь, что ты снова явишься к самому отъезду, — сказала я ворчливо. — Опять будем собираться впопыхах, а потом неделю дуться друг на друга, потому что в спешке я обязательно что-нибудь забуду. Или у тебя в который раз поменяются планы.

— Нет, не поменяются, — заявил он твердо. — Сказал, на неделю, значит, на неделю, и ни днем больше.

— Ладно, не сердись, — опять засмеялась я, — все соберу и приготовлю, как просишь. Но только Римма обидится. Ты забыл про гостей?

— Нет, не забыл. Я ей позвоню, извинюсь. Надеюсь, ты повеселишься за меня и за себя. Только смот-

ри, американцы — хлопцы шустрые! Не заметишь, как влюбишься!

— Сережа! — произнесла я с укоризной. — В-первых, я — патриотка, во-вторых, у меня уже есть хлопец русского производства.

— И как этот хлопец? Ничего себе?

— Ничего? Как ты смеешь такое говорить? — притворно ужаснулась я и произнесла громким шепотом такое, отчего пришел черед ужаснуться ему.

— Ньюша! Надеюсь, Татьяны нет рядом?

— Нет ни Татьяны, ни этой лохматой заразы. Вовсю наслаждаются летом.

— Понятно! Опять что-то натворили? — догадался по моему слишком жизнерадостному тону Сережа. И заспешил: — Прости, нет времени на разговоры. Меня ждут на совещании. Но я тебе перезвоню... — Он отключил телефон, и я некоторое время слушала короткие гудки, хотя знала, что в ближайшие два часа звонка не дождусь: ровно столько продолжались совещания в его конторе.

Но только я называю его организацию «конторой». На самом деле это — представительство крупнейшего в России Таймырского медно-никелевого комбината, расположенного за Полярным кругом, где десять месяцев — зима, остальное — лето. Продукция его идет нарасхват, как внутри страны, так и за рубежом. Сережа говорит, что подобных комбинатов во всем мире раз, два и обчелся, а он знает, что говорит. Мой муж вот уже пять лет возглавляет представительство Таймырского комбината, поэтому и крутится как белка в колесе, и дома живет меньше, чем в командировках.

Но я его прощаю, потому что всякий раз, когда он возвращается домой, мы переживаем свой очередной медовый месяц, и это компенсирует многое. И лишь

по одной причине, чтобы не тосковать о нем, я занимаюсь массой дел, которые выгодны прежде всего тем, кто ими не хочет заниматься зачастую из-за собственной неповоротливости, несообразительности, а бывает, из-за откровенной лени; тем самым я заставляю быстрее течь время, которое словно останавливается, когда Сережа уезжает от нас с Танькой.

Один раз в неделю я работаю в поселковой библиотеке. Поселок — комбинатовский. Здесь живут сотрудники представительства и пенсионеры, отработавшие на северах по двадцать и больше лет. Дома выстроены по особым проектам, но очевидного дисбаланса в застройке не наблюдается, что так характерно для подобных поселков, выросших вокруг города в последние десять лет. Здесь нет восточных дворцов и боярских теремов, нет уродливых железобетонных мавзолеев и кирпичных псевдоготических замков...

В нашем поселке выросло уже больше двух сотен скромных двухэтажных коттеджей, деревянных или кирпичных по выбору хозяина. Но в каждом имеется сауна и бассейн, подземный гараж на две машины и хозяйственные постройки во дворе. Северяне большие любители натурального хозяйства. Поэтому по утрам нас будят крики петухов, звон молочных струй о дно подойников и рожок пастуха, собирающего местных буренок в стадо.

Но у нас, наверное, единственный в поселке дом на два хозяина и по сравнению с другими маленький общий с Риммой огородик, где растут в основном лук, редиска, необходимая для стола зелень да клубника, под которую отведено несколько грядок. Но большую часть того же общего двора занимают цветники и посадки декоративных кустарников. Сада у нас нет, но часть усадьбы находится в лесу, пихты и березы растут прямо за домом, а лесными цветами и папоротниками заросли все полянки между деревьями.

Идея общего двора и огорода принадлежит Римме. Ее прямо-таки хлебом не корми, дай посидеть между грядок, полюбоваться торчащими из земли острыми, как копья древних воинов, стрелками лука, кучерявой петрушкой, зонтиками укропа. Она любит сорвать листик мяты или сельдерея, размять его в пальцах и вдыхать этот запах, от которого, как она уверяет, пропадают головные боли, а мозги настраиваются на творческий лад.

Я ей не перечу. Вывожу в коляске во двор и оставляю в беседке, на полянке или между грядок. Она сидит в широкополой шляпе под кружевным зонтиком. Его изготовили на заказ по картинке из модного журнала начала прошлого века. Впрочем, сама Римма тоже напоминает мне дореволюционную даму, нечаянно попавшую в наше время. Тонкие черты ее лица безупречны, взгляд слегка высокомерен, но не из-за вздорности характера, отнюдь нет. Так она смотрит на незнакомых людей, потому что более всего на свете боится, что ее примутся жалеть.

Вот я и подошла вплотную к тому, чтобы рассказать, кто такая Римма и почему наш дом имеет два хозяина. Хотя понятие это весьма относительное. По сути, мы одна большая семья. Не совсем обычная, не совсем привычная, но все-таки семья. И я не стыжусь, когда, представляя Римму, говорю: «Это первая жена моего мужа, а я — вторая».

ГЛАВА 2

Вот уже пятнадцать лет Римма — инвалид. У нее нелады с позвоночником, после того как она попала в камнепад на Кавказе. Дело в том, что когда-то она работала инструктором по горному туризму, водила

группы на Эльбрус, помогала осваивать азы альпинизма новичкам. Ей было тридцать пять, Сереже — двадцать два, когда они встретились в Теберде, и мой будущий муж влюбился в нее сразу и бесповоротно. Его не смущала приличная разница в возрасте и то, что у Риммы было двое детей от первого брака. Ее первый муж погиб при восхождении на высочайшую вершину Тянь-Шаня — пик Победы.

Римма, как я уже говорила, поразительной красоты женщина. Она знает себе цену и даже сейчас, прикованная к коляске, не теряет своего достоинства и бодрости духа. К моменту знакомства с Сережей у нее уже был мужчина, за которого она собиралась замуж, начальник альпинистского лагеря, поэтому ухаживания Сережи она не воспринимала серьезно. В порядке вещей, что туристы частенько влюбляются в своих инструкторов. Но Сережа стал исключением из правил. Он не был навязчив, не лез на глаза, не допекал Римму признаниями в любви, но так как отпуск у него был, как у всех северян, полгода (в то время он уже работал технологом на комбинате), эти полгода он, естественно, провел в лагере, тем более что путевки в то время стоили сущие пустяки.

Словом, к концу сезона он сделал Римме предложение, а она, к всеобщему удивлению, его приняла. Сказалось, видно, сногшибательное обаяние Сережи, которое способно растопить даже самое каменное сердце. «Что ж, попробуем, — ответила ему Римма, — но распишемся только тогда, когда я сама скажу об этом!» Через год они расписались, а еще через полгода у них родился Миша.

А еще через полтора года Римма вырвалась на любимый Кавказ и на первом же маршруте попала со своей группой в обвал. Возможно, потеряла сноровку и не заметила опасности, возможно, это было про-

стым стечением обстоятельств, я не могу о том судить, потому что знаю об этой трагедии только со слов Сережи. Сама Римма предпочитает об этом не рассказывать, а я не лезу с расспросами, потому что в тот день мир для нее рухнул, а жизнь разделилась на две половины: до и после катастрофы. Ее туристы отделались испугом и незначительными травмами, но Римме, которая шла первой, досталось больше всех. Когда ее извлекли из-под камней, врач лагеря вызвал вертолет, не слишком веря в то, что Римму доvezут до Нальчика живой.

Но она выжила, перенесла два десятка операций, пять лет лежала без движения, и Сережа делал все, чтобы поднять ее. Трое детей, один из них совсем еще маленький, и все на одних руках. Родителей его и Риммы уже не было в живых, и поэтому ему приходилось крутиться самому. Няньки, сиделки, дорогие лекарства, операции — все это требовало уйму денег. К тому же Север не совсем подходящее место для подобных больных. Но Сереже пошли навстречу и предложили работу в представительстве комбината, а через пять лет он стал его руководителем. Денег он стал получать несравнимо больше, к тому же комбинат начал строительство поселка, и вскоре все семейство Родионовых переехало в новый коттедж. К тому времени в здоровье Риммы наметились улучшения, она стала сначала с посторонней помощью, а затем и сама садиться в постели. Сережа заказал, и ему привезли из Германии навороченную коляску для инвалидов.

Но через пять лет после трагедии Сережа встретил меня... Я с трудом перевела дыхание... То были самые сложные дни в моей жизни, хотя и очень счастливые. Но сейчас мне не хотелось бы об этом вспоминать, потому что тогда я окончательно забуду о тех делах, которые мне предстоит сегодня выполнить. Я опять

посмотрела на часы, видно, придется отложить встречу с Людмилой или перенести ее на завтра. Я не могу лететь сломя голову, чтобы успеть попить кофе с подругой, когда мой муж уезжает в командировку. Первым делом я должна собрать ему вещи и приготовить ужин. Если он заедет домой в семь вечера, а его рейс в одиннадцать двадцать пять (часы отлета и прилета я знаю наизусть), то остается с часок времени, чтобы неспешно поужинать и обсудить кое-какие дела, которые я намерена решить перед нашей поездкой в Грецию.

Но об этой поездке я тоже подумаю чуть позже. Сейчас я должна полностью сосредоточиться на неотложных делах. Я выглянула в кухонное окно, оно выходит аккурат на лес. Таня и Редбой суетились возле шалаша, который мы с Сережей выстроили для дочери в позапрошлом воскресенье. Теперь это ее любимое место. В солнечную погоду она торчит там с утра до вечера, там у нее на удалении от взрослых собственный мирок. Сейчас она занималась тем, что вывешивала на просушку пострадавшие от дождя коврики и старое байковое одеяло. Несколько кукол отдыхали на пеньке, прямо на траве валялись коробки с кукольной посудой и мебелью...

Я отошла от окна. Что-то мешало мне сосредоточиться. И я сама не могла понять, что именно. Но с самого утра во мне жило какое-то мрачное предчувствие, словно должно было произойти что-то нехорошее, крайне гнусное, хотя никаких предпосылок к этому не проглядывалось. Я старательно отгоняла мысль, что это связано с Сережиной командировкой. Он постоянно летает на самолетах и вертолетах, и я всегда переживаю, пока не получу от него сообщения, что с ним все в порядке.

Я сконцентрировала свое внимание на собственных ощущениях. Нет, это не по поводу командиров-